

Продолжается год Марины Цветаевой. Ей посвящаются книги, выставки, концерты... В Казани центром юбилейных цветаевских торжеств стал Музей изобразительных искусств. Целый месяц здесь работала выставка «Культура серебряного века» в интерпретации современных художников, посвященная 100-летию со дня рождения М. Цветаевой, состоялся цикл литературно-музыкальных вечеров. А сегодня поклонники

поэзии М. Цветаевой соберутся на презентацию каталога выставки. Среди приглашенных — видные литературоведы, сотрудники первого в мире музея М. Цветаевой из г. Александрова, артисты Татарской филармонии.

О том, чем были ознаменованы в Казани юбилейные цветаевские дни, рассказывает в сегодняшней подборке материалов.

Сов. Татария - Казань - 1992 - 14 ноября - с. 12

Серебряный альбом

Собирая изобразительный материал для этой выставки, сотрудники музея осознавали, какую непосильную задачу ставят перед собой. Дело в том, что цветаевская тема в изобразительном искусстве сегодня только набирает разбег, она вся — в будущем. И это не случайно, как не случайно то, что наше поколение как бы заново перечитывает стихи Бориса Пастернака и Андрея Белого, Николая Гумилева и Осипа Мандельштама.

В первом из трех залов, отведенных под выставку, представлены живописные полотна художников из Москвы, Владимира Александрова, С.-Петербурга, Казани и Елабуги.

Серия елабужского художника З. Миннахметова «Там, где я живу» включает шесть работ. Скупыми, но убедительными средствами, взволнованным композиционным ритмом, неординарным цветовым видением художник добивается в своих полотнах эмоционального накала. Доминантой серии является полотно «М. Цветаева — Елабуга». Благородство палитры открывает нам новые выразительные возможности неумовленных тональных переходов

от жгуче-черных до фиолетовых и жемчужно-серых. Излом линий оконной рамы вторит жестким очертаниям церкви. И как внезапное озарение мысли о быстротечности бытия — красное мерцание кинокадры на перекрестках черного квадрата окна. Это окно в небытие.

Насколько трагичен эмоциональный настрой полотен З. Миннахметова, настолько цикл художника В. Щеголькова, посвященный родине Цветаевых — Владимирской земле, полон торжественной монументальности и цветовой щедрости. В частности, здесь удачно подчеркнута цветовыми акцентами величественность памятника архитектуры XVIII века церкви Иоанна Богослова.

Красною кистью
Рябина зажглась,
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Белый — цвет чистоты, красный — жизни, синий — верности — это все благо, на которые может рассчитывать человек при своем рождении.

На протяжении всей экспозиции выставки выстраивается убедительный образ Цветаевой, поэта и женщины.

Обращают на себя внимание два цикла графических работ художника из Санкт-Петербурга А. Давыдова и серия портретов поэтов и писателей серебряного века московского графика Н. Калиты. Это два совершенно разных подхода к теме «Мир Цветаевой», но оба отличаются профессионализмом и высокой культурой графического языка ксилографии (резьба по дереву) и литографии (изображение на камне).

На первом портрете А. Давыдова лаконичность строгой линии рисунка помогает художнику передать удивительную прозрачность глаз Цветаевой, запечатлеть мгновение вглядывания в чудо собственного «я». На втором — во взгляде поэта читается тревога.

Строг и выразителен Николай Иванович Калита. Его портреты Цветаевой сугубо реалистичны, они выполнены в технике ксилографии по мотивам прижизненных фотографий. Серия обширна — около 100 работ, в том числе портреты Адамовича и

Брюсова, Ходасевича и Булгакова — всего более двадцати имен, составляющих цвет эпохи серебряного века.

Третий зал открывает зрителю фотолетопись, где отражена в редких фотографиях творческая и личная жизнь Марины Цветаевой.

Отклик на эту тему нашел отражение и в творчестве казанских художников — И. Колмогорцевой, Е. Киселевой, М. Мавровской, Н. Туманова, Н. Альмеева.

Как-то Ирина Константиновна Колмогорцева обмолвилась: «Очень сложно воссоздать образы, воспеты в стихах. Они настолько философски наполнены, глубины и такие неземные...». Зритель обязательно обратит внимание на последние работы художницы «Сивилла», «Орфей и Эвридика», выполненные по мотивам произведений поэта.

Это выставка-эссе, где собраны пока немногие жемчужины цветаевского наследия,

переведенного на язык изобразительного искусства.

Г. РАЗУМЕЙЧЕНКО.
Искусствовед.

На снимках: в залах выставки; А. Панин. «Марина Цветаева».

Фото К. Ахмерова.

«ЗА МЕНЯ — ПОТОКИ И ПОТОМКИ»

...В счастливом для нее 1913 году и в счастливом для нее месте — Коктебеле, на двадцать первом году своей жизни, Марина Цветаева провидчески предредила:

Мои стихам,
как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

О заключительной строфе этого стихотворения Цветаева в 30-е годы — опять-таки пророчески — сказала: «Формула — наперед — всей своей писательской (и человеческой) судьбы».

Лично я, как и многие люди моего поколения, узнала имя Цветаевой в 1957 году из мемуаров И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», в которых Илья Григорьевич вдохновенно писал о Марине и смело относил ее творчество к высотам русской и мировой поэзии. Затем были первые столичные сборники — «Дни поэзии», «Тарусские странички», «Избранное» 1963 года... Я до сих пор благодарна писателю и критику Рафаэлю Мустафину за то, что дал мне на одну ночь это первое «Избранное» почитать и переписать то, без чего — как я тогда чувствовала и сейчас чувствую — жить нельзя:

Мой путь не лежит мимо
дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо

дому — ничего.

Смешно от щедрот
незванных
Мне ваших, кущи!
Сама воздвигаю за ночь
Мосты и дворцы.

Сейчас на родине поэта издано два двухтомника, готовится к выпуску трехтомник. Впервые лишь в годы перестройки отдельным изданием увидели свет все восемь пьес М. Цветаевой. К слову, книга была подготовлена Ариадной Эфрон и Анной Саакянц еще в 1966-м году, с прекрасной вступительной статьей поэта Павла Антокольского, друга юности Цветаевой (у нее есть обращения к нему стихи), который в 20-е годы был актером третьей студии Художественного театра. Долгие годы не находилось бумаги для издания этих шедевров; в 1975 г. ушла из жизни Ариадна, а три года спустя — Антокольский, так и не дождавшись публикации... И вот не прошло и двадцати двух лет, как бумага нашлась...

Появилось также много местных изданий. В том числе дважды, в 1983 и в 1990 гг., издали Цветаеву в Казани. Общий тираж казанских сборников — 300 тысяч экземпляров. Но книги Цветаевой не «разбросаны в пыли по магазинам». Им на-

стал «свой черед». Нам, живущим на новом сломе исторических эпох, близка творческая стихия Цветаевой, ее беспредельная и бескомпромиссная правда чувств и мыслей.

Столетие со дня рождения поэта по решению ЮНЕСКО отмечается во всем мире. С любовью откликнулся на юбилей и Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан — и не только выставкой. Музей организовал цикл цветаевских вечеров. Синтез искусств — слова, графики, живописи и музыки — стал их лейтмотивом.

Литературно-музыкальных вечеров было шесть. Поклонники Цветаевой и всего серебряного века русской поэзии смогли насладиться талантливыми интерпретациями любимого многими актера Вадима Кешнера, романами на стихи Цветаевой в исполнении их автора Мирры Левиной, музыкально-поэтическими композициями Майи Дорофеевой, Валентина Лобова, выступивших в содружестве с виртуозными пианистками — профессором консерватории Эльзой Ахметовой и концертмейстером Маргаритой Коварской. Знаменательно, что одну из композиций подготовили совсем юные — учащиеся Казанского ПТУ-4. Интересно было познакомиться с личным фотоархивом ин-

женера Александра Пчелина, состоящего в переписке с парижским цветаеведом Вероникой Лосской, лично знакомой с Анастасией Ивановой Цветаевой. Я счастлива, что и меня, как лектора общества книголюбителей, пригласили выступить в рамках этих вечеров.

Естественно, кто бы ни говорил о Цветаевой, вспоминал Елабугу, свои ощущения от встречи с ней, последним земным пристанищем поэта. Так, Вадим Кешнер поведал, что два года назад он привез из Тарусы землю с могилы Ариадны Эфрон и разбросал ее в заповедном месте елабужского кладбища...

В прошлом году я тоже посетила эту святую для многих землю. Ориентированная статьями профессора Л. Козловой в «Советской Татарии», нашла на елабужском кладбище невысокую ажурную ограду с вмонтированными в нее буквами М и Ц. Это было в самом конце мая. Буйно цвела лесная земляника. Я пересадила один кустик на могильный холмик. Накрапывал дождь, и хотелось верить, что кустик привьется...

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вослед —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Все было предсказано еще в 1913 году...

Там же, на елабужском кладбище, мне вспомнились и другие стихи. Наверное, это был первый поэтический отклик на трагедию — еще в ноябре 1941 года — голос современницы и доброй знакомой Цветаевой поэтессы Натальи Крайневской, прозвучавший из блокадного Ленинграда.

И Елабугой кончилась эта земля,

Что бескрайние дали простерла.

И все та же российская сжала петля

Сладкозвучной поэзии горло...

Но закончить все же хочется на оптимистической ноте. «Стихи сбываются», — не раз утверждала Цветаева. В годной Москве в августе 1919 года она напишет стихотворение «Тебе — через сто лет», в котором нам, потомкам, «через Летейские воды» она протягивает «две руки».

Да, стихи сбываются, и в этом — бессмертие поэтического гения.

Права была Ариадна Эфрон, когда еще в апреле 1957 года писала Борису Пастернаку: «Написанное тобой и мамой доживет до поколений, которых мы сейчас и угадать-то не можем, и с ними вы будете «на ты». И горестно добавляла: «Дорогой ценной заставляют сегодня платить за право жить в завтра, жить во всегда».

Ольга ФАЙНБЕРГ.

Уважаемая М. М.

14.11.92.

С.А.